

Шевченко Т.Л.

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ЛЕОНОВА (от "Дороги на Океан" – к "Пирамиде").

Изданный в 1994 году роман Л. Леонова "Пирамида" постепенно привлекает все большее внимание исследователей. Философская сложность, многоплановость этого итогового для творчества писателя произведения предопределяет многообразие подходов к изучению романа. Так, в частности, толкование текста "Пирамиды" невозможно без обращения к предыдущим произведениям Леонова; среди последних литературоведы особо выделяют романы "Вор", "Соть", "Русский лес"ⁱ. Думается, что в этот перечень правомерно включить и роман "Дорога на Океан", в котором, как и в "Пирамиде", отталкиваясь от настоящего, писатель моделирует образ далекого будущего. Сравнение философско-художественных решений одной и той же задачи в двух произведениях, разделенных более чем полувековым отрезком времени, представляется особенно интересным, если учесть, что в "Дороге на Океан" присутствуют черты утопического жанра, а в "Пирамиде" – элементы антиутопии.

Переключка сравниваемых произведений начинается уже с того, что и в "Пирамиде", и в "Дороге на Океан" основным временем действия избираются 30-е годы XX века. В романах прослеживаются и сходные топонимы: провинциальному городку Пороженску ("Дорога на Океан") соответствует вымышленная "провинциальная" окраина Москвы – Старо-Федосеево. Описания Пороженска – "житейская скудость и недоброе провинциальное хамство"ⁱⁱ, "практическая академия бесчестности унижения и мелких бедствий"ⁱⁱⁱ – заставляют вспомнить "Городок Окуров" Горького, "Уездное" Замятина. Пороженск символизирует постыдное прошлое ("Мы с тобой оба вышли из скотской пороженской жизни", – говорит Курилов Омеличеву)^{iv} и в этом качестве противопоставляется настоящему и будущему. Не случайно выросшая в Пороженске Лиза смогла, наконец, поверить в то, "как прекрасен очищенный от первородной грязи человек", только после путешествия в будущее. В "Пирамиде" пятачок старо-федосеевского погоста становится главным местом действия романа. "Бесхитростные гнилушки" Старо-Федосеева представляются о. Матвею, а вслед за ним и автору, куда теплее и человечнее безличных высотных новостроек, надвигающихся на человека со всех сторон. Старо-Федосеево, как и Пороженск, символизирует прошлое России, но на этот раз оно осмысливается как "...самородный клад бытия, мимо которого... нет, сквозь который мы и прошли в погоне за иным, машинным счастьем"^v. Оппозиция "периферия-центр" в "Пирамиде" изображается как противостояние нормального мира-миру, вывернутому наизнанку.

Одни и те же явления советской действительности тех лет оцениваются в сравниваемых произведениях совершенно по-разному. В "Дороге на Океан" рассказ Омеличева о барышне, отдавшей завмагу за головку сыра, чтобы хоть как-то прокормить мать и брата, сопровождается язвительным комментарием: "Хотя не жаль, барышня-то из поповен, чего ее жалеть!"^{vi}, расценивается как проявление злобы классового врага: "Все его речи были только нагнетанием на старой ране"^{vii}. В "Пирамиде" о. Матвей умоляет Прасковью Андреевну уберечь дочь от участи Сонечки Мармеладовой: "...Уж ты в шлюхи-то ее не отпускай, как решишься... Такие найдутся любители... на русской-то погорельщине поповной полакомиться, тут девичья слеза приправа к удовольствию..."^{viii}. И здесь возможная судьба "барышни из поповен" – одна из примет "жуткой утопии", пришедшей на смену нормальной жизни.

Социальная прослойка врагов нового строя, представленная в "Дороге на Океан" двумя персонажами (Глебом Протоклитовым и Омеличевым), разрастается в "Пирамиде" до целой касты изгоев: состарившийся представитель "мнимой науки ископаемого хламоведения" историк Филументьев, отец Матвей Лоскутов, дьякон Аблаев, их семьи, носящие клеймо лишенцев – словом, весь в одночасье ставший ненужным новому государству "человеческий материал", применительно к которому уместен лишь один вопрос: "...куда в исторически лимитированный срок девать их фантастическое множество из-под солнца воссиявшей правды?"^{ix}.

При сравнении романов выявляется одна интересная особенность: некоторые темы, мотивы и образы, едва намеченные в "Дороге на Океан", разворачиваются в "Пирамиде" в целостную картину и обретают свой истинный смысл. В "Дороге на Океан" есть, например, несколько эпизодов, связанных с вопросом о роли творчества в настоящем и будущем; так, Курилов утверждает, что "...при социализме деятельность каждого будет средством доказать свое право на радость... Право на хлеб сейчас дает всякий труд, но только творчество – право на радость, а завтра всякий труд будет творчеством..."^x. Тезис о том, что всякий труд в будущем станет творчеством, а каждый человек – гением, является одной из излюбленных тем советской литературной утопии в первой трети XX века. Текст "Пирамиды" проявляет истинную подоплеку этого стремления сделать всех одинаково талантливыми. Гениальность, талант – "элемент, обычно не называемый в социалистическом общежитии, чтобы не раздражать обделенное Богом большинство..."^{xi}, "хитрейший, потому что неотъемлемый, из всех источников собственности", "подлейший из всех видов превосходства одних над другими"^{xii}. Невозможность разделить этот своеобразный вид собственности поровну между всеми приводит к тому, что истинный талант, как проявление интеллектуального неравенства, становится объектом уничтожения, искусство сводится до уровня производства, а "у проходной будки на Парнас образовывается постоянно действующая пробка из охотников попытать удачи, и уже не сомнительное свечение чела служит пропуском на памятную гору, а профсоюзный билет в сочетании с идейностью во взоре..."^{xiii}. Возвращаясь к "Дороге на Океан", можно вспомнить об удивительной метаморфозе, происходящей с Лизой: по мере укрепления ее "идейности" в ней начинает пробуждаться нечто похожее на талант.

Герои "Дороги на Океан", мечтая о будущем, видят его, в соответствии с традицией утопического жанра, как победу человечества не только над стихиями природы, но и над смертью. Воображаемый Куриловым мир увенчивается в его догадках "пределом знания – неумиранием" (безусловно, речь идет о физическом бессмер-

тии). В "Пирамиде" Леонов показывает, во что в итоге может вылиться эта мечта. Последовательность развития его мысли такова: сначала отказавшись от религии, подменив ее наукобожием, а затем разочаровавшись и в науке, человечество оказывается "бесконечно нищим в своем материальном избытке", и вслед за "разочарованнием в бессмертии" утрачивается и обыкновенная уверенность в завтрашнем дне.

В отношении диалога в сравниваемых произведениях вступают не только картины жизни советской России 30-х годов, но и картины далекого будущего. Одинаково значим и символичен в обоих романах образ дороги. Волго-Ревизанская железная дорога для Курилова – прообраз великого пути в ту далекую путеводную точку, "куда двигалась его партия". Знакомство с будущим в "Дороге на Океан" начинается с изображения прокладки магистрали через пустыню: караван людей и машин уходит в бескрайнюю даль, оглушает говор лопат и кирок (Курилов "настаивает на кирках, потому что этот... способ прокладки на целую пару десятилетий приближает наши события")^{xiv}; не отдыхая, не разговаривая, "как в атаке", работают эти "осатаневшие" люди. В "Пирамиде" картины великой стройки повторяются в точности до деталей: "две пятилетки сряду", орудия лопатами и кирками, возводят рабы пирамиду Хеопса; "героический и безымянный в сущности коллектив", собранный из всех республик, поставляющих "квалифицированную рабочую силу", с не меньшим энтузиазмом, чем прокладчики дороги к Океану, трудится и на строительстве каменного идола, современной пирамиды. Вопрос Курилова в "Дороге на Океан" – о причинах спешки и источнике этой фантастической энергии – повторяется в "Пирамиде" Вадимом. И ответ на сей раз звучит совершенно определенно (и альтернативно): источник энтузиазма – усовершенствованные бичи, вложенная людям в головы психология раба, благодаря которой человек "перестал сомневаться в праве истории распоряжаться моим телом по усмотрению вождя"^{xv} и обрел смысл бытия в "целенаправленной неволе". Образ дороги символизирует путь человечества. Стремление пройти его как можно быстрее, "сквозь кровь и пламена неминуемых несчастий", в "Дороге на Океан" объясняется желанием приблизить золотой век. В "Пирамиде" Леонов показывает, что такое ускорение приближает лишь гибель человечества.

По-разному звучит в двух романах и мотив "схватки миров". В "Дороге на Океан" победителем из этой битвы выходит несущий человечеству "счастье" социализм. В "Пирамиде" победителей нет: "великое самоубиение" становится кануном Апокалипсиса. Наступающий вслед за этим период Леонов изображает как тотальную деградацию человечества. Люди полностью освобождаются от культуры, возвращаются к природному состоянию и постепенно превращаются в насекомообразные существа, которые и людьми-то уже нельзя назвать. И, по Леонову, разве что в таком состоянии становится достижима мечта о "муравейном братстве": когда люди действительно опускаются по лестнице эволюции до уровня муравьев.

ⁱ Харитонов А.А. Второй семинар по роману Л.Леонова "Пирамида" в Пушкинском Доме // Русская литература. – 1997 – №3. – С.223-227.

ⁱⁱ Леонов Л.М. Собр.соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т.6. – С.85.

ⁱⁱⁱ Там же, С.97.

^{iv} Там же, С.244.

^v Леонов Л.М. Пирамида: В 3-х ч. – М.: Наш современник, 1994. – Ч.3. – С.20.

^{vi} Леонов Л.М. Собр.соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т.6. – С.21.

^{vii} Там же, С.22.

^{viii} Леонов Л.М. Пирамида: В 3-х ч. – М.: Наш современник, 1994. – Ч.1. – С.171.

^{ix} Там же, С.181.

^x Леонов Л.М. Собр.соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т.6. – С.284.

^{xi} Леонов Л.М. Пирамида: В 3-х ч. – М.: Наш современник, 1994. – Ч.2. – С.92.

^{xii} Там же, Ч.1., С. 154-155.

^{xiii} Там же, Ч.3., С. 131-132.

^{xiv} Леонов Л.М. Собр.соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т.6. – С.110.

^{xv} Леонов Л.М. Пирамида: В 3-х ч. – М.: Наш современник, 1994. – Ч.3. – С.4.